

Пути из гетто – анархистское движение и Проект А

Хорст Штовассер

1990

Оглавление

Между письменным столом и уличными боями – анархистское движение в Германии	4
1.	4
2.	5
3.	7
4.	7
5.	9
6.	10
7.	11
8.	12
Проект А – первые шаги по Terra incognita	14
1.	14
2.	15
3.	17
4.	17
5.	19
6.	21

Существующее вырастает из осуществления.

Эрих Мюзам

Между письменным столом и уличными боями – анархистское движение в Германии

1.

Как реагирует среднестатистический анархист, когда некто пахнувший другой стаей находит хвалебные слова для его либертарного проекта? Например, ремесленник из собрания среднего класса Христианско-демократического союза?

Он сердится и озабоченно спрашивает себя, что же он сделал не так? Но почему же?

Не были ли анархисты всегда горды тем, что их идеи дружественны людям, их образ мышления прост, их образ действия прям, а их намерения позитивны? Идеи взаимопомощи, самоорганизации, прямого действия и акратии, например. Почему же, во имя всего святого, такие позитивные анархистские перлы должны приниматься на ура только анархистами? Это подозрительно, когда анархистские модели признаются и за своими границами? Кажется, что так.

Стигматизированные изоляцией на протяжении десятилетий, оупленные горько-сладким ядом угла обиженных маргинальных групп, и позы огораживающегося всезнайки, кажется, как раз становится добродетелью, находить верный курс в прямой пропорциональности отвержения «другими». И что ещё хуже: очевидно, анархисты сверх того почти полностью вытеснили те фазы своей истории и идентичности, когда они действовали со своим социальным окружением в одном ритме. Те редкие, но довольно важные моменты, в которые им удавалось выйти из теневого существования и перенести свои утопии прямо в реальную жизнь. События подобные испанской революции, аргентинским бунтам и восстанию на Украине всё ещё охотно вспоминаются, но, к сожалению, всё чаще в смысле ритуального и похожего на молитвенное колесо цитирования. Их собственный характер, их предпосылки и динамика при этом почти со стыдом замалчиваются.

Интерес к плакативному былой славы стоит зачастую выше вопроса о значении такого опыта для нашей реальности здесь и сейчас: *пропаганда вместо парадигмы*.

Чтобы выразить это точно: в современных анархистских кругах в наших краях, как правило, более популярно жаться к героическим и туманным клише, чем серьёзно (и соответственно так же нелегко) применить уроки тех воплощённых утопий к нашей сегодняшней ситуации.

Этого недостаточно – снова и снова говорить, что анархия возможна, и что 50 лет назад уже раз удалось осуществить первые, великолепные шаги в масштабах современного массового общества. Независимо от дефицитов и противоречий тех

революций, нужно постоянно отваживаться на попытки, найти и вытащить на свет те банальные и не особенно захватывающие схемы нитей из-за блестящих картин. Если этого не происходит, анархистское движение станет церковью блаженных мифов и опустится до традиционного кружка в самостоятельно построенном гетто.

Эта печальная перспектива может и не испугать некоторых анархистов – тех, которые уже устроились в гетто, и которым сектантский характер их движения обещает душевный комфорт. Но всех остальных, для которых привлекательность анархистского движения состоит не в просто философских упражнениях для мысли или в периодических пафосно-провокативных жестах, а в вызове *действительно осуществить утопию*, это состояние должно тревожить.

Тех анархистов, для которых практика стоит выше жеста (к которым я отношу и себя), безусловно, стало в последние годы больше. Начиная с самокритичного анализа (как например, на интернациональных встречах в Венеции, Мельбурне, Чикаго, Франкфурте или Сеуле), с артикуляции своего дискомфорта и развития новых идей, они уже нашли путь к практике. По всему миру, с бодро нарастающей тенденцией и неустанной фантазией экспериментируется с необычными идеями. Проекты и определяющие направление модели является первыми попытками идти по длинному пути.

У всех них общее одно – вон из гетто, напрямик в жизнь, анархия, которую можно потрогать прямо за дверью, понятные пути, простая доступность для каждого и каждой.

«Anarchie ist machbar, Frau Nachbar!» (Анархия осуществима, фрау соседка! – прим. перев.) – заявлял один из тех бодро-спокойных девизов 80-годов из анархо-сцены. Верная мысль, и сказано хорошо – только: где и когда движение хоть раз показало той «фрау соседке» путь, предоставило доступ, показало модель?

2.

Поиск моделей, которые могли бы перенести столь живые анархизмы в социальную повседневность, начался даже в немецком послевоенном анархизме относительно рано. Сначала несмело, и поэтому рядом с mainstream-анархизмом с его циклическими дебатами, попытками что-то основать и акциями довольно неброско, в конце 70-х начало широко проявляться неудовольствие. Что это были в основном протагонисты того же анархизма дебатов, оснований и акций, которые почувствовали неудовольствие, стали артикулировать и претворять, должно заставить задуматься. Они все заметили, что «движение» почти 10 лет после повторного рождения как будто движется по кругу в шуме и толчее студенческого движения. Их ужаснула бесперспективность нового анархизма, и они были беспомощны перед фактом, что это движение хотя и стояло крепко на двух ногах в мире плакативных политических воображаемых реальностей, но едва ли хоть одним пальцем ноги в реальном социальном мире этой страны. Уже к 80-м годам мы должны были указать в различных исследованиях нашего Центра Документации, что бундес-немецкие анархисты родили «бумажного гидроцефала» - симптом бедности перспектив, когда, например, противопоставляешь более 500-ам газетам, которые они вызвали к жизни после

1945 года, несколько живых экспериментов, на которые они когда-либо отважились. В то же время симптом их изолированности, когда далее было установлено, что из этих 500 газет целых три когда-либо серьёзно пытались писать для не-анархистов, т.е. для той знаменитой «фрау соседки», для которой анархия, якобы, должна быть осуществима...

Это недовольство своим движением ни в коем случае не было гомогенным, и пошло различными путями: от отчаяния, через изменение главных пунктов в соответствующей практике или создании критических теорий, до больших планов. Это не было синхронным течением, оно не вышло из одинаковых практических и теоретических результатов. Для всех них общей была попытка рассмотреть их движение под лупой без фальшивой вассальской верности и найти новые, современные формы анархизма для «здесь и сейчас». При этом почти все заметили избирательную слепоту анархистов в отношении к своим недостаткам. Где не хватало перспектив и конкретных моделей, слишком часто уравнивалось бодрими лозунгами и «боевой наглостью», а где не хватало практикабельных ответов на социальные проблемы, периодически возвращающиеся избирательные бои в этой республике с их краткосрочными успехами стали фетишем. Каждая бабушка, которая оттащила свой разваливающийся диван в сквот, воспевалась как доказательство «популярности в массах», а каждый кусочек земли, который полиция, по каким-либо соображениям, сразу же не очищала, моментально провозглашался моделью освобождённого общества. Мне встречались молодые анархисты, серьёзно утверждавшие, что окна, которые они разбили в Дойче Банк, представляют серьёзную угрозу для империализма. И со смесью грусти и растерянности я вспоминаю ту коммунарку из северогерманской деревни, которая, после пяти лет существования её анархистского проекта, гордо и с горящим взглядом рассказывала, что с ней в первый раз в магазине поздоровалась женщина из деревни. Она расценивала это как доказательство «народности» её коммуны.

Переоценка – это следствие потери ощущения реальности, потеря ощущения реальности порождает суженное восприятие, что в свою очередь ведёт к переоценке себя, и к прекрасному замкнутому кругу, по которому движение может запросто бегать до смерти. Увеличивающиеся признаки становления сектой являются тогда зачастую началом замедленной агонии.

В наших либеральных демократиях это принадлежит просто к стратегии системы, предоставлять таким заражённым движениям их собственное гетто как удобное местечко. Кажется, что значительная часть анархистского движения находится на пути, чтобы по-домашнему обустроиться в этом гетто. При этом верить, что можно избежать границ гетто и состояния сектантства только тем, что надо придать себе вид наибольшей воинственности, является смертельной ошибкой. Есть секты, которые просто лучатся воинственностью, а для людей, которые всё ещё путают повадки революционера с действительно революционными изменениями, умные управители нашей государственно-капиталистической мегамашины всегда найдут

¹ В середине 70-х годов гражданские инициативы пытались предотвратить строительство новой АЭС в Вюле многомесячными блокадами. Радикализация привела к расколу и кризису движения. Прим. перев.

тихое местечко, которое можно им предоставить под гетто. В случае необходимости это может быть целый квартал.

3.

При этом это были упущенные шансы, которые вдохновили критичных анархистов: чего только не могло произойти из таких начинаний как Вюль¹, берлинской борьбы за дома, Вакерсдорф^{2, 3}, портовой улицы в Гамбурге⁴ и... и...?! было много действительно многообещающих начинаний, которые, меряя их по обозначенной в начале цели – осуществить утопию, все потерпели неудачу. Либо эта борьба была слишком фиксирована на соответствующем актуальном политическом поводе и сломалась с его исчезновением или «умиротворением», либо же её участники слишком нравились себе в их провоцирующей роли, чем с самого начала застраивали снаружи стоящим всяческий доступ к живой утопии. Каждому, кто не приспособился к соответствующим языкам, моде и ритуалам, недвусмысленно сигнализировалось: «Эй, старик, свали отсюда, это наше гетто!»

И тем более жаль, что здесь был упущен шанс, создать синтез из движений, которые спонтанно возникли из социального конфликта (см. выше) и теми, кто, ориентируясь долгосрочно, проводили последовательную работу с базисом. Они, наверняка, оплодотворили бы друг друга, были бы только воля и необходимая терпимость: спонтанность, свежая воинственность возмущения и временный приток из кругов людей, которых это коснулось, были бы идеальным лекарством от подкрадывающейся сонной болезни некоторых базисных инициатив или тенденции к успокоению, бедности на перспективы и экономизации всех альтернативных проектов. С другой стороны многочисленные коммуны, группы, самоуправляемые инициативы и предприятия могли бы добавить избирательным и грандиозным сражениям элементы, которых тем недоставало в трагическом масштабе: социальный базис, технико-финансовая инфраструктура и, прежде всего, опыт повседневности. Последнее звучит банально, но оно тем более важно. В виду имеется тяжёлая задача, равноправно интегрировать в эмансипаторную практику три важных сферы рядом друг с другом: Политику (социальные конфликты, наступательные утопии), Экономику (производство и воспроизводство, заработок денег, финансирование проектов) и Частное (формы жизни, развлечения, свобода, счастье, утопия в повседневности).

4.

Этот пункт очень важен, и в критическом анализе анархистов 80-х годов он занимает центральное положение: как так получается, что, выражаясь удобной формулой,

² В середине 80-х «антиатомное движение» пыталось предотвратить строительство новой АЭС. Имя собирательное для массовых беспорядков и драк автономов и гражданских инициатив с полицией. Прим. перев.

³ Лагерь для радиоактивных отходов. Является до сих пор иногда ареной для встреч протестных движений и «боевых действий». Прим. перев.

⁴ Знаменитая улица сквотов в Гамбурге. Ныне утратила своё значение для движения. Прим. перев.

в этом движении «между письменным столом и уличными боями» не много происходит? Здесь избирательная борьба, тут бумажный гидроцефал, там иерархия воинственных ритуалов, здесь смирение мыслителей.

С одной стороны: ре-акция. Мы отражаем атаки и починаем плохие условия. Мы ведём борьбу, чтобы не были построены *ещё* атомные электростанции, не было разрушено *ещё больше* домов, не было отнято *ещё больше* свобод. Вечная беготня за событиями, чьи содержание, ритм и качество постоянно диктует противник. Т.е. борьба, которая должна остаться в своей структуре оборонной, а своим качеством – ограниченной, и при которой утопическое целеположение всегда остаётся пятым колесом у телеги и, следовательно, зачастую теряется по пути. Короче: борьба, которая в тенденции не имеет целью новое общество, а то, чтобы старое общество не стало ещё хуже.

С другой стороны: уголок обиженных. Мы мыслим. Мы анализируем. Вперёд и назад, поперёк и наискосок. У нас есть наготове правильный ответ, и мы выработали верный анализ, и мы всё равно всегда знали всё наперёд и лучше. В башне из слоновой кости (будь это даже грязная задняя комната) можно без помех и вдали от мира помечтать. Из этого получаются громадные кучи бумаги. Трагикомичное в этой ситуации то, что никто не желает ознакамливаться с нашими мудростями. Наши платформы, анализы и листовки остаются макулатурой до тех пор, пока мы не станем жить нашими утопиями и не сделаем их доступными; наши книги останутся до тех пор залежалым товаром, пока мы не добьёмся того, что люди так заинтересуются нашей практикой, что будут вырывать их у нас из рук.

Эта дилемма больше связана с тем несчастным разделением жизни на Политику, Экономику и Частное, чем кажется на первый взгляд. Движение, которое в целом не может ничего предложить, кроме драк и философии⁵, долгосрочно непривлекательно. Для нас, и для людей, к которым мы хотим обратиться. И было бы глупо предполагать, что мы могли бы строить утопии без людей, или даже против них. Такие убеждения приводят либо к тотальной, общественно стерильной изоляции, или к религиозно окрашенной бойне инакомыслящих. Анархистское движение в это время должно иметь более лучшие альтернативы, чем выбор между раем отказников и Пол Потом.

Мы должны задать себе неудобный вопрос серьёзно: те огромные движения как Вюль или Вакерсдорф, борьба против першингов и «взлётной полосы Вест», мир сквоттеров и молодёжных бунтов – почему все они так беззвучно затухли, после того, как повод перестал быть актуальным? Не было ли здесь тысяч точек соприкосновения между «анархами» и «нормалами»? Не наделал ли тот пенсионер в непромокаемом пальто, кидавший «бульжники с мостовой в ментов», фурор во всём левом лесу инфо-листочков? Где он теперь?

Ни один соображающий, нормальный человек не остаётся в таком движении дольше, чем на пару лет, либо он находит достойное похвалы исключение из этого жалкого спектра, либо он обладает волей и выдержкой мученика. Это движение не является местом, где можно запросто почувствовать себя как дома, не становясь при

⁵ Конечно, эта общая критика не касается всех либертарных инициатив. Только я считаю своей целью в подобной статье не указывать на позитивные исключения, а на дефициты движения. Х.Ш.

этом странным или экзотическим. Оно, как правило, не предлагает ничего, кроме красивой идеи и чистоты периодического возмущения. Иначе говоря: это едва ли то движение, которое (мне и другим) даёт в повседневной жизни ответы, пути, оружие, не говоря уже о структурах, в которых я (и другие) охотно хотел бы жить – так вольно и счастливо, как только возможно в таком обществе⁶.

Этому движению просто не удалось построить между двумя полюсами «письменный стол» и «уличный бой» живую либертарную повседневную культуру, которая кроме политических претензий предлагала бы ещё и тепло, помимо верных анализов – помощь, а кроме оправданной воинственности – так же и уют.

5.

За прошедшие двадцать лет через анархистские структуры прошли десятки тысяч. «Движение» переварило и снова исторгло, пожалуй, 80 процентов. Между 17 и 25 годами, на некоторое время, это модно и шик – быть анархистом. Но кто сможет 10, 20 лет своей жизни провести, высматривая следующую чреватую конфликтом социальную тему, а помимо этого встречаться раз в неделю с единомышленниками в каком-нибудь неофициальном пивняке для инсайдеров – *именно потому*, что они единомышленники? Долгосрочно – это скучная и бессодержательная причина, и большинство уходит, когда перебесится. Многие в тот момент, когда у них появляются семьи и дети, или они неожиданно замечают, что стареют и забыли свою профессию или претензию на пенсию (причём самые радикальные анархи в кожаных куртках зачастую становятся в кратчайшие сроки самыми приспособившимися носителями галстуков).

Эта быстрая смена поколений людей, которые постоянно проносятся через анархистское движение, отчётливо доказывает, что оно в любом случае в состоянии предложить им политическую, но не социальную «родину». Она (смена поколений) резко показывает, что все те, кто не могут сдружиться с сектой и её ритуалами, через некоторое время выбрасываются.

Этот тезис подкрепляется выводами, поданными интенсивной дискуссией о покидающих анархистские группы в последние годы. Интересным образом, далеко не все так называемые «экс-товарищи» выбросили свои либертарные утопии на помойку. На удивление многие из них чувствуют себя до сих пор анархистами, и не меньше так же пытаются (многие в действительности в первый раз!) жить своими утопиями в окружающем их обществе. Только не внутри «движения», оглядываясь на которое они часто находят очень мало добрых слов. «Чего мне было долго искать в этом детском саду?», спросила меня как-то одна ремесленница, которая предпочла жить в самоуправляемом проекте, в котором большая А на черной коже не принадлежит к группово-конформистскому социальному поведению. Она попала в яблочко.

Этот флюктуационный цикл с восхитительной периодичностью даёт импульсы, ответственные за то, что анархистское движение преимущественно ходит по кругу.

⁶ Некоторые пуритане склоняются с присущим им преувеличением к мнению, что это не возможно и нежелательно, т.к. отвлекает человека от революционной цели. Это убеждение в конечном итоге сводится к вопросу: «Есть ли жизнь до революции?». Я бы ответил на него положительно. Х.Ш.

Каждые два-четыре года мы переживаем организационные дебаты и попытки, кризисы ценностей и определения местоположения, которые происходят всё время с новой свежестью, как будто в последние двадцать лет ничего не происходило, как будто мы ничему не научились, не накопили никакого опыта и не сделали никаких шагов вперёд или назад. Неудивительно, ибо каждые два-четыре года появляется новое поколение, с обезоруживающей невинностью спрашивающее: «Не было бы это клёвой идеей, если бы мы организовались?», «Почему мы просто не упраздним эту систему силой оружия?», «Почему мы не издаём анархистской ежедневной газеты?» ... и в том же духе, что затем снова активно дискутируется, отчасти рискуется и, в конце концов, откладывается.

6.

Те, которые указывали на эти и другие слабые моменты в их движении в последние десять лет сначала несмело, затем более решительно, как правило, пытались закрыть указанную брешь «между письменным столом и уличным сражением». Их намерением не было призвать к сокращению с одной стороны количества избирательной борьбы во имя их проектов, или агитационно-теоретической работы, с другой стороны. Они не в коем случае не хотели упразднить эти важные полюса, но скорее создать между ними связь, тем, что они пытались заполнить вакуум между ними самым важным, что создаёт *движение*, заслуживающее этого имени: живыми, функционирующими моделями в реальной, социальной окружающей среде.

Основным пунктом их трудов являлась скорее практика, хотя там и тут были попытки к построению соответствующей теории. Оба пункта – теоретические дебаты и практические начинания – происходили, кстати, во всём мире. В конце концов, они привели в 80-е годы к тенденции в анархистском движении, простиравшейся от Мексики до Австралии, от Швеции до Уругвая, и которую я в другом месте назвал «свежим ветром в анархизме»⁷. Вполне осознано не стоит причислять их все к новой школе, фракции или направлению, т.к. речь идёт в действительности не о новых аспектах. Скорее, об основательном проветривании провонявшейся анархистской комнаты, продолжая сравнения. Теоретические постулаты не новы – их можно найти, например, у Неттлау, Малатесты, Вольтарини де Клер, Ландауэра, Тарриды дель Мармол или у Дуррути⁸, да и практические начинания не особенно оригинальны. Они просто актуальны и пытаются освободиться как от ритуальной привычки, так и от устаревших исторических кумиров, от которых остались мифы, содержание же потерялось и конкретные шаги больше не могут быть полностью поняты. Поверх этого «свежий ветер» дует сквозь все классические анархистские лагеря, и охватывает так синдикалистов, так и коллективистов, анархо-коммунистов, мутуалистов, федералистов, как и спонтанистов.

В принципе речь идёт о простом вопросе: как мы можем осуществить анархистские утопии маленькими, первыми шагами, показать людям функционирующие модели и одновременно предотвратить, что модели мельчают и социально стериль-

⁷ Stowasser, Horst & Leben ohne Chef und Staat, Frankfurt 1986

⁸ Обозначение «анархизм без прилагательных», которое использовалось некоторыми из этих

ными? Как, напротив, возможно, что такие модели растут, множатся, воодушевляют людей и подтачивают государственные структуры тем, что они выстраивают либертарные структуры? Одним словом: как мы можем создать либертарные модели, которые одновременно бы имели парадигмический характер, делали возможными привлекательные социальные формы жизни, и были бы в позитивном смысле подрывными?

Без сомнений, это претенциозная цель, но не в коем случае не новая. Параллели с периодом, когда анархистское движение задумалось о социальном мире труда и родило анархо-синдикализм как практично-прагматичный вариант, просто напрашивается. На мировом анархистском съезде в Амстердаме в 1908 году обсуждался вопрос, нельзя ли в рамках анархистского профсоюза одновременно заниматься социальными улучшениями здесь и сейчас, революционным изменением общества и строительством либертарной повседневной культуры. Конечно, и тогда были голоса, которые считали это чистейшим реформизмом, началом конца анархистского учения. Для них профсоюзы были *per se* плохи, а другие они не могли себе представить. И не обошлось без суперрадикального сорвиголовы, хотевшего застрелить Малатесту, потому что он считал его «предателем».

В действительности, анархо-синдикализм был началом первого и до сих пор единственного воплощения анархистского общества в широком масштабе.

Структуры, скрывающиеся за этим успехом, не должны оставаться для нас сегодня мистериями и тайнами. Нам надо только немного поскрести лакировку чёрно-красных мифов.

7.

Уроки, которые мы, например, можем извлечь из испанской революции, просты, почти что банальны: анархистской утопии в гетто не бывает. Не может быть соперничества между «маленькими шагами» и «великими событиями», между необходимой воинственностью и желательным стремлением к миру. Революция и радикальность не являются вопросом внешних форм (Фенотип), а содержания и целей (Генотип).

Создание либертарных культур, доблестей и структур не может быть отложено на фиктивный «день после революции», оно должно начаться здесь и сейчас. Цель, свобода, должна присутствовать в средствах. Никакая гениальная теория или прекрасная утопия не воплощается сама по себе, в силу своей верности или по закону истории: она должна быть построена и представлена людям. Людям едва ли представляют утопию, тем, что её постоянно зачитывают, как молитву, но, прежде всего, тем, что её проживают – в случае необходимости «по кускам» и маленькими шагами. Анархистские модели должны, поэтому, быть такими, чтобы и стоящие снаружи могли найти к ним дорогу и потерять в них страх перед «принципом государственности». Это касается, как и «реально существующего государства», как и «государства в голове» у нас всех. Поэтому анархисты не должны чураться воспринимать мелкую, грязную, банальную повседневную реальность и в ней действовать.

анархистов, не кажется мне достаточно объемлющим, т.к. относится только к аспекту недогматичности. Х.Ш.

«мелочь» и «великий утопический проект» не являются противоречиями, но полями напряжения диалектики, между которыми родится новое, либертарное общество.

Так, некоторые молодые анархи, мечтающие о героической испанской революции, с удивлением обнаружат, что эта революция началась не в 1936 году, а 40 лет до того, и что славная CNT не стеснялась пачкать пальцы о негеройскую повседневную мелочёвку. С действиями, каждое из которых, рассматриваемое по отдельности и вырываемое из революционного контекста, запросто можно оценить как реформистское. И ещё удивительней было бы, возможно, если бы им пришлось выяснить, что «схема вязки» этой революции покоится на таких простых выводах. Как они были перечислены выше.

На тех же выводах строят и те разнообразные начинания, которые вздувают сегодня «свежий ветер в анархизм». Оба едины в том, что они рискуют, живя с реформистскими и революционными внешними формами в одной и той же груди, но за это у них есть неоспоримое преимущество, что они действительно функционируют. Не только в мозгу, но и в реальности. На бумаге, конечно, представители чистого учения всегда будут правы. Будут ли они правы в жизни, они не смогут выяснить, т.к. настоящие пуритане в настоящую жизнь не входят. Иначе они запачкают свои ботинки.

8.

Сравнение исторического анархо-синдикализма и «свежего ветра», разумеется, только структурное. Численно их сравнить нельзя, и что касается их влияния на общество, конечно, тоже (ещё?) нет.

Их общей чертой является то, что они решаются на синтез теории и практики, и занимаются живыми людьми в их собственном социальном контексте. Только это происходит сегодня в рамках нашей общественной реальности, и она больше не в предвоенное время. Это больше не исчезающий «мир труда», пролетариата и профсоюзов, в котором мы движемся. Речь идёт, поэтому, об актуальной попытке применить классические анархистские Essentials и сохранившиеся анархистские стратегии к нашей форме общества.

Конечно, конкретные начинания в движении, являющемся весьма и весьма гетерогенным, очень пестры и разнообразны – в отличие от исторического анархистского движения, которое, состоя преимущественно из рабочих, породило очень мало различных моделей.

Так, недовольство поздних 70-х вылилось в критику, критика в 80-х в модели, а модели в поздние 80-ые в проекты. Конечно, не так прямолинейно и схематично, но в целом всё же определяемо и доказуемо по всему миру. Так же дебаты позитивно повлияли и на существующие организации и движения, в Германии особенно в кругу Федерации Ненасильственных Акционных Групп (FOeGA) вокруг газеты «Graswurzel-Revolution», в меньшем масштабе анархо-синдикалистский Союз Вольных Рабочих (FAU). Открытые дебаты в анархо-автономном спектре, например, ан «либертарных днях» в 1987 г. во Франкфурте, к сожалению, не принесли надежд, указывавших

бы на соответственное переосмысление, разочаровали и показали едва ощутимые результаты.

Проект А¹ – первые шаги по Terra incognita

1.

К одним из самых ранних одуванчиков, которые «свежий ветер» задул на поля бундес-германского анархизма, относится «Проект А». Возникшие из амбивалентного опыта в целом 20-летней либертарной активности в маленьком городе в гессенской провинции, первые письменные документы относятся к 1978 году. Нужны были ещё 7 лет опыта, дискуссий и вызревания, пока в 1985 году не появилась одноименная книга.² Эта зарисовка прагматичного, либертарного проекта в маленьком городе по схеме «свеже-ветренного анархизма» объёмом почти в 100 страниц сразу же начала циркулировать внутри организации немного по-заговорщицки: от человека к человеку, избегая книжные лавки. В течение последующих лет примерно 3-4000 анархофильных людей прочли около 1500 экземпляров и многочисленных копий.

Как и следовало ожидать, вскоре развилась оживлённая дискуссия, сначала не приведшая к чему-то конкретному. Возникли внутренний бюллетень для новостей и дискуссии³, множество более мелкой информации с отчасти региональными, отчасти тематическими фокусами внимания и целая сеть встреч: всегерманские встречи, региональные встречи, специфичные встречи по профессиям и проектам, культурные встречи, общие палаточные городки и т.п. В это время, с одной стороны, была пущена в ход хотя и диффузная, но долгодействующая рецепция изложенных в «Проекте А» идей, которая длится всё ещё, с другой стороны самые решительные пытались с первой всегерманской встречи в 1986 году более или менее упорно действительно осуществить этот проект в маленьких немецких городках.

Здесь не место хотя бы вкратце рассказывать о развитии этих устремлений. Критическая разработка этого проекта должна быть, хотя она была бы наверняка очень интересна для темы этой книги, оставлена последующим публикациям. Выводом пусть считается, что после интенсивной дискуссии и недостаточной практической подготовки, Проект А осенью 1988 года принял стартовую позицию в трёх немецких маленьких городках и с тех пор существует в тех местах, причём опыт получается самый разнообразный.

¹ Проект А, как он представлен в этом тексте, потерпел крушение, в основном по экономическим причинам, в середине 90-х годов. Тем не менее, сам текст содержит полезную критику движения и интересные идеи. Многие активисты, как в Германии, так и за рубежом всё ещё считают идею принципиально верной. Прим. перев.

² Stowasser, Horst: Das Projekt A, Wetzlar 1986

³ Бюллетень носит имя АНА!, до сих пор было 25 номеров. Х.Ш.

2.

На вопрос, чем же всё-таки является Проект А, из тех же соображений может быть дан только очень суммарный ответ. Рискуя многочисленными недопониманиями и роковыми упрощениями, я всё же хочу попытаться бегло его обрисовать:

Речь идёт о конкретной идее специфического для маленького города либертарного проекта, в котором сферы Политики, Экономики и Частной Жизни полноценно стоят друг рядом с другом. Это многоярусное построение должно получать стабильность от солидного базиса связанных друг с другом структур. Эти основные структуры состоят из таких отдельных элементов как самоуправляемые предприятия, политические и культурные инициативы, жилищные сообщества и отдельные личности. Отдельные элементы как таковые или в маленьких группах остаются автономными, соединяются друг с другом в локальной сети, и заключают друг с другом отношения взаимной помощи и обязательств.

Основным «строительным материалом» структуры в целом является «двойной проект», объединение соответственно одного более экономически задуманного проекта, который приносит деньги (например, самоуправляемое предприятие) и одного более социально или политически ориентированного проекта (политической инициативы), нуждающегося в деньгах, под крышей одной жилищной группы. При этом экономически более сильный проект поддерживает более слабый, общие переизбытки поступают в кассу всего проекта для финансирования общих акций, задумок или для построения новых частичных проектов. Внутри такой «сети двойных проектов» появляются либертарные «микро-сообщества» со старыми людьми, работоспособными, детьми, животными, домами, мастерскими, магазинами и всей инфраструктурой, внутри которых с одной стороны вводится равенство, ротация и общинность, а с другой стороны достаточно места для разнообразия, индивидуальности и уединения.

Локальная сеть была бы, таким образом, объединением многих таких двойных и множественных проектов, которые в свою очередь создают свои собственные структуры коммуникации, принятия решений и человеческого общения в форме пленумов, советов и других институций.

Большое значение придаётся определению, что эта сеть не является сама по себе Проектом А, но только лишь должна давать стабильный фундамент, на котором должна и может осуществляться вся пёстрая палитра либертарной активности: как классической, так и новой, непривычной, но в любом случае стабильной; закреплённой и прекрасно застрахованной человечески, политически и финансово.

Этим видом объединения должно быть практически устранено различие между «политическими» и «неполитическими» проектами. Целью является достижение такого состояния, когда, например, выпечка хлеба может быть столь же политической, как и раздача листовок. Иначе говоря: первый шаг к утопии был бы сделан тогда, когда при любой деятельности нельзя было бы больше ясно различать, идёт ли речь о зарабатывании денег, политике или развлечении, или обо всём сразу.

Этот расчёт удаётся только тогда, удаётся создать и сохранить тесную связь между предприятиями, политически- социальными инициативами и отдельными людьми.

Это кажется возможным посредством тесной связи между жизнью, воспроизводством и социальной активностью.

Социальная стратегия доходит до того, что эта сеть так распространяется и закрепляется в городе, что живущие в нём люди в их общественной реальности не могут долго проходить мимо. Ежедневно они сталкиваются с инициативами, фирмами, услугами, культурными предложениями и людьми этого многоуровневого проекта, и рано или поздно вынуждены вынести своё суждение. Шанс, что этот процесс приведёт не к отрицанию, а к идентификации, как минимум к «позитивной терпимости», оценивается здесь как более высокий, чем у других, одноуровневых проектов. Эта тенденция должна среди прочего поддерживаться тем, что палитра продукции и услуг отдельных предприятий и инициатив не носит характера обычной гетто-культуры; а по возможности удовлетворяет «нормальные» потребности жителей города и проекта. Кроме того, как можно быстрее должны быть созданы рабочие и ученические места, жильё и программа для свободного времени – начинания, чтобы уже начать выращивать «второе поколение» проекта из молодёжи города и предоставить ей доступ к либертарной жизни. Первое поколение проекта, напротив, преимущественно состоять из «приезжих» активистов.

Социальная динамика должна заключаться в том, что всё более плотная сеть живых анархизмов предлагает жителям маленького города взгляд и вход в либертарную культуру, и так подготавливает почву для агитации и собственной инициативы людей. Неважно, произойдёт ли вход в «либертарную культуру» через политическую борьбу, экономические контакты, культурные инициативы или сферу соседства и свободного времени – различное *качество* инициатив Проекта А в сравнение с местными структурами должно вызывать «Ага!-эффект», который делает возможным узнавание глобального анархистского характера даже из деталей. Будь это факт, что фирмы функционируют без шефов, что постулат равенства можно осуществить на практике, что анархистская экономика и взаимопомощь дают необычные преимущества, что самопомощь выигрывает у административного попечительства, что отношения между полами или к детям являются другими, или что средства объединения и прямого действия являются альтернативами партийной и представительской политике – все эти и другие «избирательные анархизмы» должны помочь разбить известные анти-анархистские предубеждения и поддержать смелость самоорганизации.

Эта динамика остаётся, конечно, спекулятивной, так же как и видение граничащего с мечтой качества жизни внутри проекта, которое позволяет со-участие, личные свободы, наслаждаться профессиональными возможностями и преимуществами, которых не купить за деньги. Осознавая эти спекуляции, в Проекте А предпринимается ни что иное, как непритязательная попытка с самого начала обрисовать эти возможности и так разработать все структуры и организаторные детали, что они *могут* быть достигнуты.

В теоретической части, в конце концов, освещается возможность дальнейшей динамики таких и подобных проектов, в случае, если они разовьются в национальном и интернациональном масштабе. Вплоть до мыслей о месте, которое такие структуры как Проект А могли бы занять в перспективе глобальной, революционной стратегии.

Такая теория.

3.

Тем временем одуванчик разбросал семена, из этого получились растеньица, цветущие тут и там. Отчасти семена упали на каменистую почву, отчасти на плодородную землю. В любом случае это Terra incognita, которую мы заселяем, и пока растение пускает корни, они должны привыкнуть друг к другу, растение и почва.

Я собираюсь оставить метафоры и ограничиться в последующем одним из месторасположений Проекта, самым южным, маленьким городком N, в котором я живу. Многое произошло не так как «было в книге». Возможно, именно поэтому Проект процветает много лучше, чем можно было ожидать при благосклонном скептицизме.

Далёкие от того, чтобы слепо следовать предписанием утопической книжки, в городе N собрались сначала почти две дюжины людей из «сцены», имевшие либо либертарное прошлое, либо желали иметь либертарное будущее, либо просто были любопытны. Как-либо выраженная «приверженность» к анархизму очевидно (и к счастью!) не играла роли. Эта изначальная группа была едина в том, что «в городе N что-то должно произойти», и была готова кое-что для этого сделать. В этом желаемом действия кругу были представлены пять самоуправляющихся предприятий, которые существовали уже несколько лет. Экономически вполне солидные, они как раз стояли у начала становящегося привычным «кризиса смысла» в поле напряжения между альтернативной экономикой и медленно увядающей в голове утопией.

В этой ситуации книга о Проекте А была долгожданной стимуляцией. Она была совместно прочитана, обсуждена и, в конце концов, понята как что-то вроде путевода на собственном пути к Проекту А в N, но ни в коем случае как инструкция.

Это были благоприятные условия для успешного старта: с одной стороны, в этом кругу практически не было анархистских пуритан, с другой стороны, проект обладал с самого начала действующей экономической основой. К этому прибавилась, выросшая из многолетнего опыта, порция реализма и прагматизма, без которой такой проект не может существовать. Позитивно выражаясь: готовность показать доверие, делегировать задания, реалистично дискутировать и приходиться к консенсусу без бесконечных дебатов, для многих в группе не было новым опытом.

С 1988 года, в конечной фазе подготовки к Проекту А, группа из N активно внедрилась в общенемецкий контекст и до сих пор занимает там место. Когда дошло до того, чтобы найти подходящее общее место, N был в числе фаворитов. По различным причинам технического и географического толка, тем не менее, мы не могли договориться о каком-то общем городе, и так N стал одним из трёх мест, на которых Проект был конкретно начат.

4.

Сегодня (осень 1990 – Х.Ш.) проект в N охватывает 11 предприятий, 9 инициатив, около 8 жилищных сообществ и почти 80 человек. 1-2000 симпатизирующих обретаются вокруг отдельных проектов. Официальная форма – общественно-полезное, зарегистрированное объединение, членство непринудительное.

В качестве связующих между отдельными элементами действуют различные структуры: ежемесячный пленум как решающий орган, ежемесячный завтрак как место для знакомств и место для симпатизирующих, ежемесячные «политические встречи за стаканом вина» как форум для широких дискуссий и повод для «радости, болтовни и люкса». Эти места коммуникации дополняются специфическими учреждениями, как-то совет управления и финансов, управление строительством, как и группой по работе с общественностью. Конечно, к этому присоединяются многочисленные и очень важные контакты: праздники, встречи, совместные обеды, детские экскурсии, отчёты фирм и жилищных сообществ, мероприятия и многое другое. Всё это уравновешивается большими всеобщими встречами на выходных, которые зачастую происходят в других местностях, и были окрещены «великим советом». Там должно, примерно раз в полгода, подводить критический итог и находить перспективу для среднеудалённого будущего.

Проект в N развивается в настоящее время из изначально преимущественно ремесленной сети в смешанный проект, причём некоторые услуги и сфера сельского хозяйства ещё совершенно отсутствуют. Конкретно существуют или находятся в строительстве:

- из фирм: мебельная мастерская, строительная мастерская, книжный магазин, транспортное предприятие, издательское и рекламное ателье, магазин для экологического строительства, реставрация мебели, торговля антиквариатом, химическая экологическая лаборатория, измерительная техника, группа по мероприятиям и пивным, магазин велосипедов, магазин с биологически чистыми продуктами;
- из инициатив: культура, анархистский документационный центр, газетная инициатива и издательство, социальная деятельность и здоровье, транспортная политика, научная лавка, экологическая технология и музыкальная группа.

К этому – не считая многочисленных и неконкретных планов – различные связи с локальными инициативами, от противников низких полётов до антифашистского действия. С недавних пор Проект А принимает участие в построение региональной анархистской сети.

Большинство ремесленных фирм являются предприятиями мастеров, многие из них ООО. В течение последнего года были созданы примерно дюжина рабочих, образовательных (для профессионального образования) и переквалифицирующих мест. Новые фирмы и жилищные были созданы, и как первый, общий, финансируемый всеми план была куплена старая фабрика в центре города. Этим показательным проектом в 1,5 миллионов Марок должна быть продемонстрирована экологичная тотальная реставрация. В этом комплексе создаётся в настоящее время поселение проектов из сфер культуры, экономики, гастрономии, политики, экологии, здоровья и досуга. Фабрика, хотя и является только одним проектом из многих на карте города N, но точно самым известным и популярным, т.к. он должен был прорваться сквозь бюрократический шантаж с помощью успешной общественной кампании, которая принесла объединению много симпатий.

Экономически весь Проект в N покоится на смешанном финансировании, чью основу, бесспорно, составляет платёжеспособность включенных в него предприятий. К этому присоединяются наследства, сэкономленное, и ссуды, последние преимущественно в форме обществ по погашению при GLS-банке⁴ и Эко-банке.

Все предприятия, инициативы и жилищные сообщества функционируют в соответствии с принципами прямой демократии в форме самоорганизации. Т.к. каждая группа автономна, практика везде выглядит по-разному, что приводит к пёстро-му, полному фантазии и, соответственно, привлекательному многообразию. Это относится к формам и стандартам жизни, заработку, времени и способу работы, продукции и ритму жизни так же, как и к таким классическим кардинальным вопросам как питание, алкоголь, курение, уборка и привычки свободного времени. Это множество предлагает различным людям совершенно специфичное место с его совершенно индивидуальными возможностями самовыражения, и предотвращает одновременно догматическое групповое принуждение к однообразию. Помимо этого, оно так же создаёт возможности для смягчения конфликтов, которые в других проектах часто приводили к расколам и распаду тем, что несовместимые формы жизни или личности устраиваются на различных местах, не покидая проект.

Только после восьми с половиной лет удалось укрепиться на первых пятнах городской картографии, в которых в зачаточном виде функционирует «жизнь без шефов и государства». Эти пятна в то же время не являются тайными островами, а воротами, которые постоянно предоставляют неисчислимым людям возможность взглянуть на форму действия, жизни и работы, о которой многие и не помышляли, что это всё просто проживаемые формы анархии. Другие, которые это уже заметили, как правило, больше не пугались и реагировали вполне положительно.

Тем самым сбылась небольшая часть социальной спекуляции Проекта А. Ещё слишком малая, чтобы делать из этого обобщающие выводы, но, тем не менее, достаточная, чтобы получать из неё силу для продолжения дела.

5.

Это всё голые факты. Но как выглядит то, что за ними? Где сомнения и проблемы, что говорит критика?

Вот пример ремесленника из Христианско-Демократического Союза, который находит хвалебные слова; пример не сконструированный, но это произошло действительно в N, и было поставлено мною в начало этой статьи не без причины. В то время как носам пуританских критиков чудился запах предательства, внутри Проекта в городе N дошло до амбивалентного конфликта: с одной стороны, уверенная победа в нашем смысле, с другой стороны – беспокойство. Был поставлен вопрос – как выступать перед общественностью.

Как «анархисты» мы до сих пор выступали перед общественностью только спорадически, как целый Проект вообще никогда. Так оно было желанно, т.к. мы в данный момент не готовы к такому вызову, который бы принесли нам открытые дебаты

⁴ От немецкого *Geben-Leihen-Schenken*: Давать-одалживать-дарить.

о понятии «анархизма», технически, лично, психически и по времени. Подобные «дебаты» в уютно-буржуазном городке пред лицом укоренившихся предрассудков были бы предположительно доношением и полемикой. В это время мы концентрируем все наши силы на строительстве и перестройке зданий и стабилизации экономического фундамента. Мы буквально имеем больше дела с кирпичами, водопроводными трубами и балками, чем с бумагой, не считая обоев. Ещё отсутствуют такие важные вещи как типография и газета, годные к употреблению помещения для мероприятий и достаточная поддержка среди населения для такой поляризации. Такую грязевую битву, как её следовало бы ожидать, мы едва ли сможем вынести без потерь.

Перед общественностью мы представляемся «либертариями», и делаем это с чистой совестью, в особенности потому, что мы ничего не вычёркиваем из наших Essentials. Мы не устаём ясно их обозначать: жизнь без шефов и государства, взаимная помощь, самоуправление, свобода, автономия, экология.

Но скромность с этикеткой «анархистский» не является добродетелью, рождённой из нужды. Она, напротив, соответствует настроению и намерениям этого Проекта. С самого начала Проект А не был задуман как учреждение для анархистов, и в N никого не спрашивают о его политическом кредо и не вынуждают к «признанию». Я лично считаю это очень позитивным аспектом, а из того факта, что мы не являемся ортодоксальным кружком инсайдеров, большей частью рождаются сила, живость, подвижность и свежесть этого Проекта. Конечно, из-за того существуют и различная заинтересованность и мотивация. Но нашим намерением не было создать кадровую организацию с принудительным равенством, а функционирующее, органическое здание из людей, со всеми их различиями. В N, пожалуй, действует невысказанный девиз, что это ни кого не интересует, какую этикетку ты к себе приклеиваешь, а что ты за человек. В целом Проекте, как и в отдельных фирмах, есть что-то вроде взаимного испытательного срока, и т.к. каждый человек в сети должен найти себе партнера и место, в конечном итоге решают человеческие качества и симпатия до политических убеждений, профессиональных навыков или финансовых возможностей.

Это, кажется, хороший процесс взаимного выбора. Я горд тем, что я после почти 10 месяцев в N не знаю, кто из моих соседей по Проекту А «анархист», а кто нет. С другой стороны, за 20 лет моего анархо-бытия я редко встречался с такими открытыми, честными, свежее-анархистскими формами жизни и общения.

Существуют пуритане Проекта А, которые на полном серьёзе укоряют нас, что Проект в N не следует книге. Так, изначальная группа возникла не из-за прибытия убеждённых анархистов из «общенемецкого контекста». Да и двойственная структура Проекта воплощена не последовательно. И то и то верно, но оба оказались преимуществами, и если из этих пунктов должна вырасти критика, то она должна скорее обращаться против некоторых убеждений книги. Там, например, не была достаточно ясно распознана проблема, что сотня приезжих анархистов в маленьком городе будут скорее представлять собой изолированное чужеродное тело – столь же мало, как и тот факт, что не обязательно все люди захотят жить и работать со своими товарищами по труду под одной крышей. «Вариант N» - воистину веселая смесь из связей вкривь и вкось, не столь ясен, как схема «двойных проектов» (а больше чем

схема это и не должно было быть), но уверенно способен к функционированию и очень анархичен.

Других критиков достаёт экологическая направленность проекта. Несомненно, в настоящее время в N существует экологический «перевес», если это вообще можно выразить столь негативно. В этом же нет ничего плохого. Как следует понятый анархизм немислим без экологии, как и наоборот. Что экология здесь преобладает, имеет свои причины как в истории предприятий и отдельных людей, так и в локальных условиях. Их «перевес» является, поэтому, совершенно специфической силой Проекта в городе N. Если к этой критике вообще можно относиться серьёзно, то, в любом случае, только в том смысле, что помимо экологии другие, не менее важные сферы в этом Проекте (ещё) недостаточно представлены. Признаемся в этом и отправим в адрес критиков обратно с замечанием, что нетерпение не является добродетелью, а требование, чтобы все цели были достигнуты сразу же, одновременно и равноценно, просто не честно.

Внутри самого проекта становятся заметны проблемы в коммуникации и координации, которые возникают из-за быстро выросшего числа людей и, отчасти, с расстояниями. К тому же – различный опыт и различные знания касательно местных условий, как и истории Проекта в N. в настоящее время мы пытаемся ответить на эти дефициты соответственно улучшенными структурами.

6.

Незадолго до этого проведенный в Проекте в N опрос показал, что большинство активистов придерживаются мнения, что мы много достигли на этом месте до сих пор, и находимся на верном пути. Тем не менее, эйфория или самолюбование не обнаруживаются. Мы знаем, что наш эксперимент ограничен, но не имеем ложного стыда, и радуемся достигнутому до сих пор. Наши начальные успехи несколько не гарантируют, что мы достигнем наших целей.

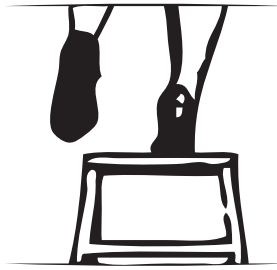
Если Проект А как общая концепция критически констатирует в широких частях анархистского движения *потерю реальности*, то можно догадаться, что, зато такой практически-прагматичный проект как наш должен считаться с *потерей утопии*. Я уверен, что те многочисленные гости, которые были в последнее время в N, могли убедиться в обратном. Но настроение, окружение и атмосферу нельзя описать словами, поэтому я не собираюсь пытаться это сделать.

Мы мыслим в длительных периодах. Для многих из нас Проект – это жизненная перспектива. Для многих так же шанс, что при соответствующем распространении идей «свежего ветра» анархисты снова будут в состоянии в социальных и политических кризисах, в которых намечаются великие изменения, показать пути к преодолению, к которым прислушаются и последуют совету. Так, как они могли в последний раз 50 лет назад...

На одном из наших ранних заседаний наш друг и учитель Рольф Швендтер высказал мудрую мысль: «Успех или неудача вашего Проекта будет доказан не в первые годы. Это будет видно тогда, когда ваши дети решат – жить там или бежать оттуда».

Берлин, сентябрь 1990

Библиотека Анархизма
Антикопирайт

Хорст Штовассер
Пути из гетто – анархистское движение и Проект А
1990

Скопировано 2019-02-16 с <https://piter.anarhist.org/pro-a.htm>. Первое примечание перенесено из заголовка текста в заголовок главы про проект А. (Wege aus dem Ghetto – Die anarchistische Bewegung und das Projekt A; 1990) Перевод с немецкого: Ndejra

ru.theanarchistlibrary.org